Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ.
(1799—1872).

Путевыя замѣтки Ѳ. Ѳ. Матюшкина.

Обстоятельныя свѣдѣнія о жизни и личности адмирала Матюшкина (род. 1799, ум. 1872 г.) сообщены Я. К. Гротомъ въ его извѣстной книжкѣ о Пушкинѣ и Лицеѣ [1]). Я. К., какъ и всѣ знавшіе Матюшкина, отзываются о немъ съ глубокой симпатіей. По его словамъ, „въ Матюшкинѣ не было ничего блестящаго: онъ былъ скроменъ, даже застѣнчивъ и обыкновенно молчаливъ, но при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ нельзя было не оцѣнить этой чистой, правдивой и теплой души“. Матюшкинъ, какъ и Яковлевъ, принадлежалъ къ числу ближайшихъ друзей Пушкина (особенно по выходѣ изъ Лицея), и не даромъ послѣдній посвятилъ ему двѣ такихъ задушевныхъ строфы въ своемъ знаменитомъ „19 октября 1825 г.“

---

[1]) „Пушкинъ“ etc., стр. 74—80, и 283.

„Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?
Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
И вѣчный ледъ полуночныхъ морей?
Счастливый путь!... Съ лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шутя,
И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
О, волнъ и бурь любимое дитя!

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
Лицейскій шумъ, лицейскія забавы
Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ;
Ты простиралъ изъ-за моря намъ руку,
Ты насъ однихъ въ младой душѣ носилъ
И повторялъ: на долгую разлуку
Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ".

Извѣстно, какъ странно поразило Матюшкина неожиданная роковая смерть поэта (см. ниже его письмо къ Яковлеву)!

Въ Лицеѣ Матюшкинъ былъ на хорошемъ счету по ученію, и пользовался за свой нравъ и доброе сердце всеобщею любовью. Особенно тепло онъ былъ принятъ въ семьѣ директора Е. А. Энгельгардта, который помогъ своему любимцу, мечтавшему о морской службѣ, тотчасъ по выходѣ изъ Лицея попасть подъ команду адмирала В. М. Головнина, отправлявшагося въ кругосвѣтное путешествіе. Во время своихъ странствій до самаго поселенія въ Петербургѣ (1849 г.) Матюшкинъ состоялъ въ оживленной переопискѣ съ Энгельгардтомъ [1]).

Когда въ 1817 г. лѣтомъ, вопросъ о его путешествіи былъ рѣшонъ, онъ изъ Царскаго Села, съѣздивъ за подорожной въ Петербургъ, отправился 2-го іюня въ Москву проститься съ своими семейными (мать его была классной дамой въ московскомъ Екатерининскомъ Институтѣ) и оттуда вернулся въ Царское въ концѣ мѣсяца. Объ этомъ-то путешествіи и сохранились печатаемыя здѣсь его черновыя замѣтки, которыя, быть можетъ, должны были стать началомъ записокъ, которыя онъ, какъ говоритъ преданіе, „собирался вести по совѣту и плану Пушкина" [2]).

---

[1]) Извлеченія изъ писемъ Энгельгардта см. въ статьѣ Д. О. Кобеко „Вѣстникъ Всемірной Исторіи" 1899, № 1, стр. 90—104.

[2]) Гротъ, „Пушкинъ" etc., стр. 77.

О передачѣ Матюшкинымъ передъ смертью своихъ лицейскихъ бумагъ, а въ томъ числѣ и этихъ замѣтокъ моему отцу, было уже разсказано выше.

О послѣдней болѣзни и кончинѣ Матюшкина 16 сентября 1872 г., см. ниже въ письмахъ Я. К. Грота и кн. Эристовой.

Путевыя замѣтки между Царскимъ селомъ и Москвою (1817 г.)

Это—черновая, сильно перемаранная поправками рукопись въ сшитой тетрадкѣ изъ грубой синей бумаги на 8 листкахъ, т. е. 16 страничкахъ — въ такой же оборванной обложкѣ, на заднемъ листикѣ которой имѣются какія-то морскія техническія (путевыя) записи Матюшкина, изъ чего можно заключить, что эти листки сопровождали его въ морскомъ странствіи.

Изъ Петербурга въ Москву.

Іюль.

Получивши достовѣрное извѣстіе о томъ, что я отправляюсь съ Василіемъ Михайловичемъ [1]) въ путешествіе, первое мое желаніе было ѣхать въ Москву проститься съ своими; поѣхавши въ Петербургъ за подорожной и отпускомъ и получивши оные, я пріѣхалъ въ Царское Село, откуда, поживши три дня у Егора Антоновича, отправился въ дорогу, прощаясь съ мѣстомъ, гдѣ я, можетъ быть, провелъ счастливѣйшее время моей жизни, гдѣ въ отдаленіи отъ родителей я вкушалъ всѣ пріятности сыновней любви, гдѣ будучи принятъ въ кругъ счастливѣйшаго семейства [2]), и я наслаждался его счастіемъ; прощаясь съ Егоромъ Антоновичемъ и его семействомъ, я не могъ удержаться отъ слезъ... Я не хотѣлъ оставить Царское Село, но оно скоро скрылось...

2-го Іюля.

Не знаю, что я чувствовалъ, когда я прибылъ въ Ижору. Хотя я ѣхалъ въ Москву, хотя я ѣхалъ къ любимой мною матери, которую не видалъ шесть долгихъ лѣтъ, но я не радовался: какая-то непонятная грусть тяготила меня: мнѣ казалось, что я оставляю Царское Село противъ воли, по принужденію.

Изъ Ижоры я спѣшилъ какъ можно скорѣе, чтобы (признаюсь) мнѣ не возвратиться назадъ.

Только-что я выѣхалъ изъ Ижоры, какъ слышу за собою го-

[1]) Головнинымъ. *К. Г.*

[2]) Т. е. директора Е. А. Энгельгардта. *К. Г.*

лось; я велѣлъ остановиться, оглядываюсь и вижу сѣдого старика, бѣгущаго по большой дорогѣ; прибѣжавши, бросился онъ на колѣни и со слезами на глазахъ просилъ меня взять его съ собою до слѣдующей станціи.

Имѣвъ подорожную на двухъ, я посадилъ его съ собою. Онъ мнѣ тотчасъ разсказалъ, что онъ отставной дьячекъ села Грузина, принадлежащаго графу Аракчееву, что онъ ходилъ въ Петербургъ кой-что закупить для попа. Потомъ старикъ было началъ мнѣ говорить про барина своего, его попа, попадью — сонъ уже смыкалъ мои вѣжды. Я слышалъ слова его и не понималъ ихъ; потомъ ихъ болѣе уже не слыхалъ... Не знаю, долго ли спалъ я, но пробужденіе мое было очень непріятно: толчокъ чуть не выбросилъ меня изъ телѣги. Я просыпался и мнѣ казалось, что я вижу сонъ. На быстрой тройкѣ несусь лётомъ по обширной безпредѣльной дорогѣ, не вижу предмета, къ коему стремлюсь, — безъизвѣстность вездѣ. Подлѣ меня лежалъ старецъ въ глубокомъ снѣ. Ты дремлешь разсудокъ! Удаляюсь отъ своего счастія, я бѣгу отъ тебя! Проснись, проснись, разсудокъ, что ты дѣлаешь? Но уже поздно, — счастіе невозвратно! я долженъ удалиться. Слезы у меня катились изъ глазъ, и я къ ужасу своему увидѣлъ, что это не сонъ, но истина.

Пріѣхавъ въ Тосну, я пошелъ къ станціонному смотрителю прописать подорожную и заказать что-нибудь, чтобъ утолить голодъ. Тамъ я засталъ офицера [1]), который велъ команду солдатъ Тарутинскаго полка изъ Петербурга въ Москву. Я предложилъ ему чашку чаю; онъ принялъ ее. Поговоривъ съ нимъ часикъ - другой, я хотѣлъ проститься и ѣхать дальше, но онъ мнѣ предложилъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, а свою повозку оставить. Я согласился, но такъ какъ я обѣщался довезти старика до Грузина, то далъ ему впередъ прогонныя деньги, а самъ сѣлъ въ телѣжку съ офицеромъ.

3-го Іюля, вечеромъ мы прибыли въ Новогородъ. Новогородская мостовая, безпокойный экипажъ меня такъ измучили, что я не зналъ, продолжать ли мнѣ дорогу или нѣтъ. Я думалъ уже простоять въ Новѣгородѣ одинъ день, посмотрѣть городъ столь славный въ древности и потомъ уже пуститься далѣе. Но короткое время отпуска, совѣтъ моего товарища и, наконецъ, случай, открывшійся намъ ѣхать водою, принудилъ меня оставить мое намѣреніе и ѣхать изъ Новогорода, не видавши его. Мы отправились на двухъ лодкахъ, сначала черезъ быстрый Волховъ, потомъ Новогородскимъ каналомъ и, наконецъ, рѣкою Мстою. Прекрасная лунная ночь! Послѣ паля-

---

[1]) Его имя я узналъ уже въ Москвѣ, такъ какъ и онъ мое при прощаніи: его зовутъ Римской-Корсаковъ, поручикъ Тарутинскаго полка. *Ѳ. М.*

щаго жара, который продолжался во весь день, прохлада ночная была намъ весьма пріятна; тихое и покойное плаваніе оправило наши ослабѣвшіе члены, пѣсельники пѣли заунывныя и веселыя пѣсни попеременно, и неприметнымъ образомъ мы пристали къ слѣдующей станціи.

Такъ какъ я ѣхалъ въ первый разъ на повозкѣ, то и ѣхалъ весьма тихо; почти каждую ночь я останавливался отдыхать и только на 6-й день мы прибыли въ послѣднюю станцію отъ Москвы— къ Черную Грязь. Черезъ два часа открылась златоглавая Москва; вскорѣ мы услышали благовѣстъ къ вечернѣ, я смотрю—и я уже у Тверской заставы. Завтра или даже сегодня я увижу дражайшую свою родительницу.

Изъ Москвы въ Царское Село.

Съ 26 на 27 ночью я уѣхалъ изъ Москвы, пріѣхалъ къ заставѣ: зазвенѣли колокольчики, и я вечеромъ въ Торжкѣ. Вотъ я уже 227 верстъ отъ Москвы. Мелькали мимо меня мѣстечки, города, а мнѣ казалось, что я все еще въ Москвѣ!

Въ Торжкѣ, городѣ, извѣстномъ по своимъ кожевеннымъ и сафьяннымъ заводамъ, я былъ принужденъ остановиться, потому что не было лошадей. На другой день вмѣстѣ съ зарею я отправился опять на барской тройкѣ и въ полдень я остановился на одной станціи, чтобы подкрѣпить силы свои. Вошедъ въ одну крестьянскую избу, чтобы что нибудь закусить (у станціоннаго смотрителя ничего не было), я увидѣлъ, что крестьяне сидѣли за столомъ; я къ нимъ подсѣлъ — и съ довольно большимъ аппетитомъ помогъ имъ опростать миску со вкусными щами; окончивши нашъ обѣдъ, хозяева попотчивали меня земляникою со сливками. Когда я хотѣлъ выйти, мнѣ попался въ дверяхъ крестьянинъ; онъ остановилъ меня, перекрестился, послѣ обратился ко мнѣ и началъ говорить невнятнымъ и дрожащимъ голосомъ.

Я сначала думалъ, что онъ пьянъ, но слова моего хозяина, который его уговаривалъ, просилъ, чтобъ онъ молился Богу, наконецъ отчаянный видъ вошедшаго заставили меня обратить на его слова вниманіе. Я не все могъ понять: онъ говорилъ отрывисто и несвязно, но все что я слышалъ, было то, что будто бы, ѣхавши въ Ригу съ однимъ чиновникомъ (онъ называлъ его секретарскимъ сыномъ), онъ его въ лѣсу заживо зарылъ въ землю. Голосъ, видъ его, подробности, съ которыми онъ злодѣяніе сіе разсказывалъ, изображали отчаяніе и раскаяніе. „Иванъ, помолись Богу! Иванъ помолись, — Богъ взмилуется!“ слышны были въ избѣ. Наконецъ

хозяинъ мой взялъ его за руку, привелъ его къ образу Спасителя и, ставъ на колѣна, началъ вслухъ молиться; они молились съ полъ-часа, но вдругъ несчастный всталъ, бросился изъ дверей, — крестьянинъ за нимъ: чтó тамъ было, я не знаю, но когда я расплатился, то вышелъ и увидѣлъ страдальца въ самомъ ужасномъ положеніи: онъ лежалъ на сырой землѣ, глаза у него закатились, изъ рта течетъ руда (черная кровь), въ ужасныхъ конвульсіяхъ онъ кидался во всѣ стороны, стоналъ, какъ будто бы издаетъ послѣднее издыханіе. Я возвратился въ избу, чтобъ что-нибудь о немъ узнать; тамъ была одна хозяйка и вотъ что она мнѣ объ немъ сказала: „Иванъ былъ нашимъ сосѣдомъ и очень добрый и смышленый мужикъ, но пять лѣтъ тому назадъ въ него вселился нечистый духъ; онъ прошлое лѣто ходилъ въ Москву на поклоненіе, но ему это не помогло“. „Бывалъ ли онъ въ Ригѣ“?—„Нѣтъ, онъ далѣе 30 верстъ отсюда не отлучался“.—„Какъ же онъ говоритъ объ Ригѣ, вѣдь онъ грамоты не знаетъ и ни отъ кого не слыхалъ?“—„Вѣстимо такъ, батюшка, но это — нечистая сила въ немъ говоритъ“.

Лошади были запряжены, мнѣ нельзя было ее долѣе разспрашивать... Въ станціи Раппно я имѣлъ удовольствіе увидать одного изъ старыхъ своихъ товарищей, Маслова; онъ выѣхалъ 24 часами прежде меня изъ Москвы. Мы ѣхали нѣсколько станцій вмѣстѣ; но въ Бронницахъ онъ получилъ прежде меня лошадей и такимъ образомъ мы разстались. Мнѣ запрягли послѣ, и очень худыхъ: я видѣлъ, что мнѣ не проѣхать на нихъ и половины дороги — нечего дѣлать, надобно отъ нихъ какъ-нибудь избавиться. Къ счастію, ночевали по близости цыгане; первому мнѣ встрѣтившемуся я сунулъ полтину въ руки, и онъ подошелъ къ извозчику, пророческимъ голосомъ ему объявилъ, что если онъ сегодня поѣдетъ, то одна лошадь у него падетъ—и ямщикъ, коего не могли убѣдить ни побои, ни деньги, послушался пустыхъ словъ цыгана: онъ тотчасъ распрягъ телѣгу и нанялъ за себя тройку.

Между тѣмъ какъ ее запрягали, подошелъ ко мнѣ старикъ, показываетъ на десятилѣтняго мальчишку и проситъ, чтобъ я его поберегъ. Я его сначала не понялъ, но послѣ увидѣлъ, что онъ его посылаетъ въ первый разъ — со мной; благословивши его въ дорогу, онъ его сажаетъ на сѣтку, подаетъ вожжи и, ударивъ самъ въ первый разъ лошадей кнутомъ, провожаетъ его изъ деревни глазами. Между тѣмъ парнишка мой храбрится на козлахъ, покрикиваетъ и пощелкиваетъ, какъ-будто старый ямщикъ, лошади несутся по гладкой, прямой дорогѣ. — „Нѣтъ ли проселочной дороги?“ — „Есть мимо монастыря св. Саввы“.—„Ступай по ней!“ Онъ тотчасъ своротилъ съ большой дороги прямо въ дубовый лѣсъ;

съ полчаса скакали по пнямъ и кочкамъ и, наконецъ, выѣхали къ монастырю св. Саввы; тамъ переправились черезъ рѣку, ѣдемъ далѣе, болѣе въ траву и, наконецъ—мы въ болотѣ! Вездѣ кругомъ густая болотная трава. Лошади пыхтятъ, тонутъ въ болотѣ, колеса увязли,—ихъ уже не видно, и мы почти что (не) плывемъ. „Куда ты заѣхалъ?“ —„Я, баринъ, здѣсь никогда не бывалъ“.—„Зачѣмъ же сюда ѣхалъ?“—„Да вѣдь надобно же когда-нибудь побывать: по большой дорогѣ я ѣзжалъ съ отцомъ“.—Потомъ вставъ на сѣтку, началъ немилосерднымъ образомъ бить лошадей: онѣ были хороши и сильны, и черезъ два часа мы выѣхали опять на чистую дорогу.

Вскорѣ я догналъ Маслова, перегналъ его и двумя днями ранѣе его, 30-го, увидѣлъ Царское Село.

Городъ лежитъ на горѣ: всѣ улицы, всѣ дома видны. Мнѣ казалось, что я давно тамъ не былъ. Съ удовольствіемъ смотрѣлъ я на высокіе златоглавые церковные купола, на бѣлые красивые домики, искалъ глазами тотъ, гдѣ живетъ мой благодѣтель, мой наставникъ, гдѣ живетъ его любезное семейство, нашелъ его—и не могъ спустить глазъ съ него. . .

Я забылъ Москву, когда увидѣлъ Царское Село...